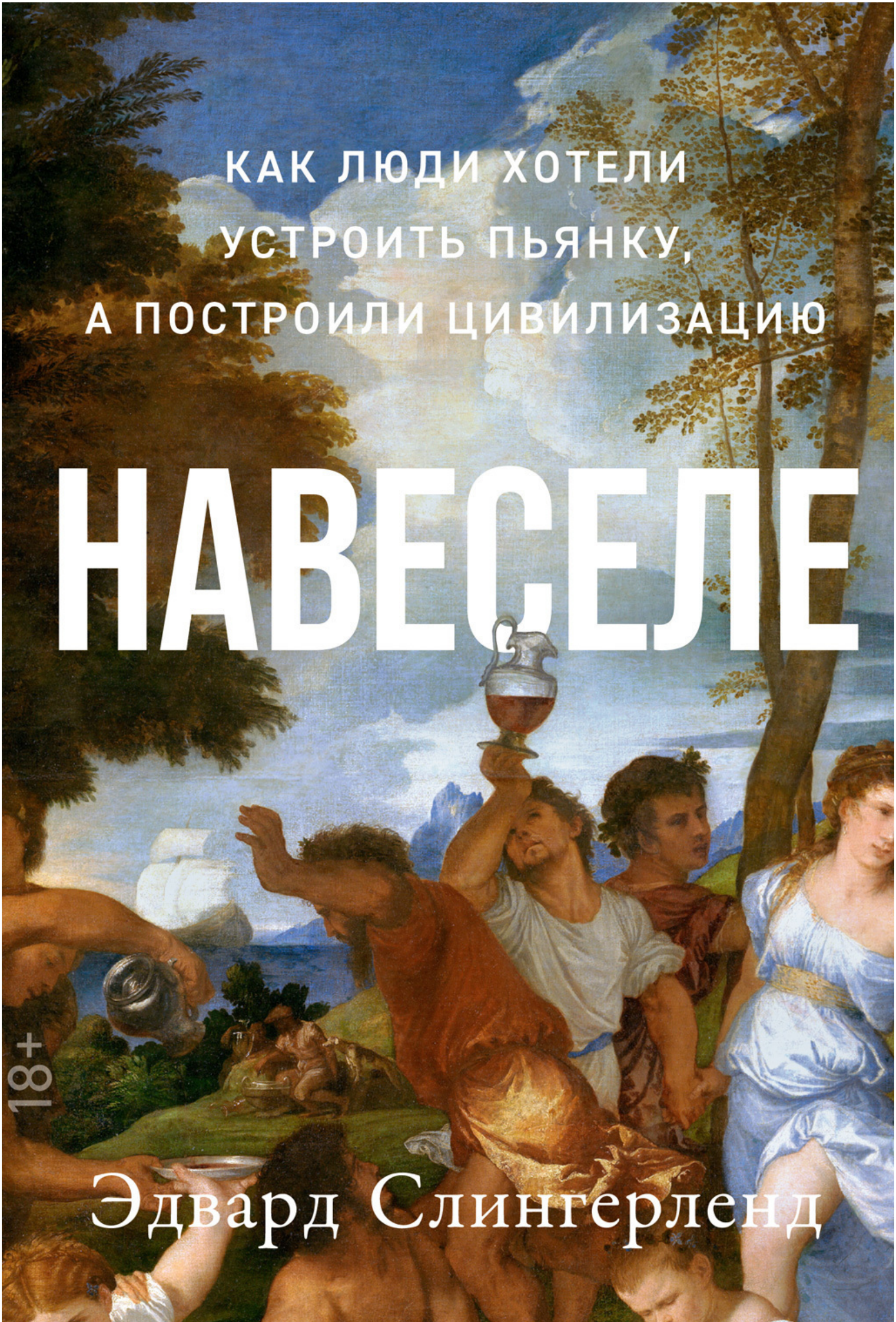
КАК ЛЮДИ ХОТЕЛИ
УСТРОИТЬ ПЬЯНКУ,
А ПОСТРОИЛИ ЦИВИЛИЗАЦИЮ

НАВЕСЕЛЕ



18+

Эдвард Слингерленд

Эдвард Слингерленд

Навеселе. Как люди хотели устроить пьянку, а построили цивилизацию

«Альпина Диджитал»

2021

Слингерленд Э.

Навеселе. Как люди хотели устроить пьянку, а построили цивилизацию / Э. Слингерленд — «Альпина Диджитал», 2021

ISBN 978-5-00-139985-8

Автор книги, известный психолог-когнитивист Эдвард Слингерленд, предлагает взглянуть на привычные вещи по-новому. Удовольствия и наслаждения, по его мнению, следует рассматривать с точки зрения эволюционной необходимости. Накопив немало интереснейшего материала по истории алкоголя, ученый рисует всеобъемлющую картину взаимоотношений человека и одурманивающих веществ. «Эволюция награждает нас каплей удовольствия за то, что мы способствуем реализации ее планов, будь то забота о собственном теле или передача генов потомству». На протяжении тысячелетий люди проявляли чудеса изобретательности, чтобы добиться заветной цели – получить напиток, который сможет развеселить, облегчить общение и, самое главное, помочь адаптироваться к существованию в непростой среде и справиться со всеми трудностями. Но если в малых дозах алкоголь – наш помощник и друг, то в больших – заклятый враг и разрушитель. Почему так происходит? Можно ли максимально использовать преимущества одурманивающих веществ, взяв под контроль их жестокие последствия? В легкой, шутливой манере Слингерленд отвечает на эти вопросы. Он увлекает читателя в захватывающее путешествие по прошлому, весело рассказывает о традициях пития в современных обществах, а кроме того, объясняет, как человеку в будущем сделать алкоголь фактором общественного прогресса. «Алкогольное опьянение должно было помогать людям выживать». Особенности Фото исторических артефактов, схемы из области химии, картинки комиксов, графики и диаграммы, когнитивных и других исследований, статистические таблицы, фото участников экспериментов.

ISBN 978-5-00-139985-8

© Слингерленд Э., 2021
© Альпина Диджитал, 2021

Содержание

Введение 9
Глава 1 16
Мозговой захват: Плодовые мушки, помешанные на сексе 21
Эволюционные пережитки: Пьяные обезьяны, жидкое кимчи и грязная вода 23
Сильнее пирожных и порнографии: За рамками теорий пережитка и захвата 26
Настоящая загадка эволюции: Враг, лишающий разума 29
Конец ознакомительного фрагмента. 31
Комментарии

Эдвард Слингерленд
Навеселе. Как люди хотели устроить пьянку, а построили цивилизацию

Переводчик *Наталья Колпакова*
Редактор *Ольга Нижельская*
Издатель *П. Подкосов*
Руководитель проекта *И. Серёгина*
Ассистент редакции *М. Короченская*
Корректоры *О. Петрова, Л. Татнинова*
Компьютерная верстка *А. Фоминов*
Арт-директор *Ю. Буга*
Адаптация обложки *Ю. Буга*
В оформлении обложки использована картина Тициана «Вакханалия», 1524 г. (Музей Прадо, Мадрид)

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Edward Slingerland, 2021
© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина нон-фикшн», 2023

* * *

Эдвард Слингерленд

НАВЕСЕЛЕ

КАК ЛЮДИ ХОТЕЛИ УСТРОИТЬ ПЬЯНКУ, А ПОСТРОИЛИ ЦИВИЛИЗАЦИЮ

Перевод с английского

АНФ
АЛЬПИНА НОН-ФИКШН
Москва, 2023

Это страстное желание употреблять определенного рода жидкости, которые природа окутала покровами, это необычайное влечение к ним, которому подвержены все человеческие расы, во всех климатических зонах… более чем заслуживает внимания философского ума.
ЖАН АНТЕЛЬМ БРИЙЯ-САВАРЕН

Введение

Люди обожают мастурбировать. Им также по душе напиваться и лопать пирожные с кремом – обычно не одновременно, хотя это дело вкуса.

Наука давно твердит нам, что у всех этих, таких непохожих, наслаждений имеется нечто общее – это ошибки эволюции, коварные уловки, к которым прибегает человек, чтобы быстро получить удовольствие. Эволюция награждает нас каплей удовольствия за то, что мы способствуем реализации ее планов, будь то забота о собственном теле или передача генов потомству. Однако умные приматы обманывали эту систему издавна: изобретали порнографию, противозачаточные средства и фастфуд, а также находили в природе или сами создавали вещества, заливающие мозг дофамином, совершенно не считаясь с изначальными целями эволюции. Мы неисправимые искатели удовольствий, готовые словить свой маленький кайф, едва подвернется случай. Получить заряд эндорфина, проглотив пироженку, опрокинув рюмку «Егермейстера» и самоудовлетворившись под видео для взрослых, – это значит урвать незаслуженную награду. Эволюция, должно быть, в ярости!

Среди эволюционных ошибок есть особая категория – «пережитки эволюции», обременяющие нас поведением, которое было когда-то адаптивным, но больше таковым не является. Наша тяга к пирожным с кремом – классический пример эволюционного пережитка. Мы жаждем «пустых калорий», поскольку эволюция запрограммировала нас любить сахар и жир. Эта стратегия была разумной для наших предков, охотников-собирателей, которым постоянно грозили недоедание и голодная смерть. Однако она совершенно неуместна в современных условиях, где большинство людей имеют беспрепятственный доступ к дешевым сладостям, углеводам и мясным продуктам, нередко соединяющимся в одном блюде – настоящей бомбе для нашей сердечно-сосудистой системы. Кроме того, эволюцию можно обмануть с помощью так называемых захватов[1]. Захват происходит, когда мы обнаруживаем недозволенный способ включения системы удовольствия, изначально предназначенной для вознаграждения за другое, более способствующее выживанию, поведение. Мастурбация – эталонный захват. Оргазмы призваны наградить нас за секс с целью размножения и тем самым способствовать передаче наших генов следующему поколению. Однако мы можем хитростью выманить у своего тела точно такую же награду множеством диких способов, бесконечно далеких от продолжения рода.

Ученые спорят, чем является наше пагубное пристрастие к спиртному – эволюционным захватом или пережитком. Сторонники теории захвата утверждают, что спиртные напитки доставляют нам удовольствие, поскольку их действующая составляющая, этанол, провоцирует выделение у нас в мозге химических веществ, связанных с механизмом вознаграждения. Это ошибка, заложенная в самой гипотезе. На самом деле эти вещества задумывались эволюцией как награда за подлинно адаптивное поведение, скажем, за то, что вы съели питательный продукт или столкнули ненавистного врага в смоляную яму. Однако мозг можно обмануть, и этанол – один из самых простых способов сделать это.

Адепты теории эволюционных пережитков отмечают, что стремление слегка поддать, возможно, обеспечивало нашим предкам некоторые преимущества в плане приспособления, но утверждают, что в любых современных условиях эта тяга является в высшей степени дезадаптивной.

К какой бы категории ни относились эволюционные ошибки, к пережиткам или к захватам, они сохраняются, поскольку естественный отбор до сих пор не счел нужным от них избавиться. Обычно это объясняется тем, что цена этих ошибок, в чем бы она ни заключалась, отно-

[1] Evolutionary hijacks (*англ.*).

сительно невысока или они лишь недавно стали доставлять неприятности. Эволюция готова закрывать глаза на мастурбацию, пока желание получать оргазм заставляет нас передавать достаточное количество генов потомству. Нездоровая пища – современная проблема, известная почти исключительно в развитом мире. Эволюция также могла себе позволить игнорировать и спиртное, по крайней мере вплоть до недавнего времени. Дело в том, что в природе алкоголь, как и сахар, встречается в незначительных количествах. Нужно сильно постараться, чтобы захмелеть от забродивших естественным образом фруктов. Лишь с появлением сельского хозяйства и целенаправленной ферментации в больших объемах – около 9000 лет назад, что для эволюции всего лишь мгновение, – глубокое опьянение стало доступным для многих, и люди, предрасположенные к алкоголизму, очутились на скользкой дорожке, ведущей к массовому пьянству, многодневным запоям и разрушенной печени.

Любая трактовка употребления алкоголя или другого одурманивающего вещества как ошибки эволюции имеет принципиально важную, хотя часто и не декларируемую напрямую, особенность. А именно склонность напиваться или торчать рассматривается – подобно мастурбации или злоупотреблению фастфудом – как безусловный *порок*. Порок – это привычка, доставляющая кратковременное удовольствие, но в конечном счете вредная для самого человека и для окружающих. В лучшем случае пустая трата времени. Даже самый страстный поклонник мастурбации вынужден будет признать, что при прочих равных имеются и более продуктивные способы скоротать воскресный вечерок. Предаваясь подобным занятиям, мы, может, и чувствуем себя отлично, но ничего хорошего нам – и никому другому – они *не приносят*.

Однако не все пороки созданы по единому шаблону. Если дело доходит до фильма о свингерах, эволюции следовало бы бить тревогу не из-за него, а из-за рюмки «Егермейстера». В конце концов, нет особой беды в том, чтобы потратить немного рабочего времени на мастурбацию. Но, напротив, спиртное может быть по-настоящему опасно. Алкогольная интоксикация – это ненормальное состояние психики, отличающееся сниженным самоконтролем и определенной степенью эйфории либо депрессии, вызываемой временным нарушением деятельности значительной части головного мозга. Сам термин «интоксикация» указывает на попадание внутрь *токсина* – вещества, настолько вредного для человеческого организма, что у нас имеется сложный многоуровневый физиологический механизм для его скорейшего расщепления и выведения из наших органов. Даже если не мы сами, то наше тело, безусловно, считает алкоголь серьезной угрозой.

Большинство спиртных напитков калорийны, но обладают низкой питательной ценностью и изготавливаются из зерна или фруктов – традиционно дефицитных продуктов, но чаще применяемых для других целей. Употребление алкоголя плохо сказывается на мыслительных способностях и двигательных навыках, разрушает печень, убивает клетки головного мозга и заставляет нас плясать, флиртовать, драться и совершать еще более одиозные поступки. В маленьких дозах он может нас развеселить и упростить общение, но, если продолжить пить, мы быстро скатимся к невнятной речи, ожесточенным ссорам, слезливым изъявлениям любви, распусканию рук и даже пению под караоке. Хорошенько упоровшись, можно словить экстатическое переживание самозабвения и социальной общности, но часты и другие результаты: рвота, травмы, потеря памяти, опрометчиво набитые татухи и серьезный имущественный ущерб. Я уж не говорю о похмелье.

С эволюционной точки зрения употребление определенных наркотических веществ имеет смысл. Кофе, никотин и другие стимуляторы – это, по сути, допинг, благодаря которому мы можем идти к своим естественным эволюционным целям более упругим шагом, не жертвуя при этом ни своими физическими возможностями, ни способностью адекватно воспринимать реальность[1]. Наша склонность к *токсическим* психотропным веществам, прежде всего алкоголю, – вот что поразительно. Едва попав в кровоток, токсические вещества начинают вредить

нам, замедляя рефлексы, притупляя восприятие и мешая сосредоточиться. Дело в том, что они прежде всего поражают префронтальную кору головного мозга, наш центр когнитивного контроля и целенаправленного поведения. Таким образом, интоксикация в том смысле, в котором данное понятие используется в этой книге, включает не только серьезные с юридической точки зрения состояния опьянения, но и легкий приятный шум в голове после первой пары глотков вина. Какой бы безобидной ни казалась легкая социально приемлемая нетрезвость, даже она подрывает способность, которая, пожалуй, и делает нас людьми, – способность осмысленно управлять своим поведением, не отвлекаться от стоящей перед нами задачи и сохранять четкое самосознание.

Именно префронтальной коре головного мозга человек как биологический вид обязан своим успехом, поэтому употребление любого количества спиртного или другого токсичного вещества представляется полнейшей глупостью. Префронтальная кора достигает полного развития значительно позже 20 лет, это физиологически дорогостоящая часть мозга, созревающая последней. Поэтому странно, что обычный способ отпраздновать совершеннолетие – это одурманить ее химическим воздействием. Потенциальные издержки ослабления наших когнитивных способностей колоссальны, выигрыш как будто отсутствует. Почему же людям, несмотря ни на что, нравится себя отравлять? Почему трудоемкое превращение питательного зерна и вкусных фруктов в горькие нейротоксины малой концентрации или собирание одурманивающих растений в своем биоме – повсеместная практика, независимо от культуры и географии?

Нас поразительно мало занимает тот факт, что на протяжении тысячелетий одной из главных точек приложения человеческой изобретательности и целенаправленных усилий был вопрос о том, как бы напиться. Даже малочисленные человеческие сообщества, которым постоянно грозит голод, готовы выделять существенную часть ценного зерна или плодов на производство алкоголя. Племена, населявшие территорию Мексики до колонизации, преодолевали огромные расстояния, чтобы изготавливать спиртной напиток из плодов кактуса в краткие периоды созревания, – и это была единственная известная им форма организованной сельскохозяйственной деятельности. Переселенцы, изведя весь свой запас алкоголя, в отчаянии сбраживали обувную кожу, траву, местных насекомых – все что угодно. Кочевники Центральной Азии, почти не имевшие возможности раздобыть крахмал или сахар, дошли до изготовления спиртного из забродившего кобыльего молока. Представители современных обществ тратят устрашающе большую долю семейного бюджета на алкоголь и другие токсические вещества. Даже в государствах, где действует сухой закон, огромное число людей расплачиваются мучительной смертью за попытки захмелеть, употребляя чистящие средства или парфюмерию.

Редкие культуры, не производящие алкоголь, в обязательном порядке заменяют его другими одурманивающими веществами, скажем *кавой*[2], пропитанным галлюциногеном табаком или марихуаной. Если в биоме, где обитает традиционное общество, имеется хотя бы что-нибудь с психотропными свойствами, можно не сомневаться – местные жители используют этот источник кайфа тысячелетиями. Как правило, такое зелье имеет ужасный вкус и чудовищные побочные эффекты. Например, *аяуаска*, галлюциногенный отвар из растущей в Амазонии лианы, невыносимо горька на вкус и неизбежно вызывает жестокую диарею и рвоту. В некоторых племенах Южной Америки даже *лижут ядовитых жаб*. Повсюду в мире, где бы ни жили люди, они делают отвратительные вещи, платят немыслимую цену и тратят несуразно много ресурсов и усилий с одной-единственной целью – словить кайф[2]. Стремление к дурману настолько значимо для человеческого существования, что предложение археолога Патрика Макговерна переименовать наш вид в *Homo imbibens* («человек пьющий») лишь отчасти может показаться шуткой[3].

[2] Кава – опьяняющий напиток из корней одноименного растения, распространенный в Полинезии. – *Прим. пер.*

Желание изменить состояние сознания имеет древние корни, которые можно проследить вплоть до истоков цивилизации[4]. На раскопках в восточной Турции найдены остатки, как удалось установить, пивоваренных чанов с изображениями сцен веселья и танцев – этим предметам около 12 000 лет. Следовательно, люди собирались вместе, сбраживали зерно или виноград, музицировали и в конце концов напивались вдрызг еще до того, как создали сельское хозяйство. Археологи даже высказывают предположения, что различные виды спиртного были не просто побочным продуктом изобретения земледелия, а, напротив, стимулом этого открытия: первые земледельцы жаждали пива, а не хлеба[5]. Неслучайно древнейшие, связанные с человеком археологические находки по всему миру обязательно включают огромное количество специальных, сложной формы сосудов, предназначавшихся исключительно для производства и потребления пива и вина.

В шумерских мифах само происхождение человеческой цивилизации тесно переплетается с возлияниями (и продолжительным сексом). В эпосе о Гильгамеше (около 2000 г. до н. э.) – вероятно, древнейшем дошедшем до нас литературном памятнике – дикаря Энкиду, бродившего со зверями, приручает и делает человеком храмовая блудница. Прежде чем предложить ему целую неделю умопомрачительного секса, она насыщает его с помощью двух важнейших основ цивилизации – хлеба и вина. Ему особенно приходится по вкусу пиво: выпив семь кувшинов, Энкиду «становится общительным и поет в веселье»[6]. Древние арии, переселившиеся где-то между 1600 и 1200 гг. до н. э. из степей Центральной Азии на Индийский субконтинент, основали свою религиозную систему на идее таинственного опьяняющего напитка – сомы. В научной среде не утихают ожесточенные споры о том, что же представляла собой сома. Согласно теории, преобладающей в настоящее время, это была жидкость из галлюциногенного мухомора[7]. Очевидно, что это средство обладало невероятной силой. Вот что говорит бог Индра в гимне из «Ригведы» (созданном примерно в 1200 г. до н. э.), когда сома ударяет ему в голову и его мысли начинают нестись, лишая его рассудка, но и наполняя мощью, способной сокрушить Вселенную:

Пять племен для меня не более, чем соринка в глазу.
Или не пил я сому?
Обе половины мира не равны одному моему крылу.
Или не пил я сому?
В величии своем я попираю небо и великую землю.
Или не пил я сому?
Да, я помещу землю здесь или же тут.
Или не пил я сому?
Я громко сотрясу землю в этом месте или же в другом.
Или не пил я сому?
Одно мое крыло в небесах, другое свисает вниз.
Или не пил я сому?
Я велик, велик! Лечу к облакам.
Или не пил я сому?[8]

Почему один из главнейших ведических богов мыслился не просто набравшимся сверх всякой меры, но буквально черпающим свою силу из сока чудесного гриба? Это тем более поразительно, что реальный наркотик, о котором идет речь, скорее сделает вас недвижимым и беспомощным, сузит зрачки и отключит координацию движений, и вы вряд ли будете способны «громко сотрясти землю». Разве не разумнее было бы изобразить Индру отдающим должное основательной трапезе и питательному молоку перед тем, как тронуться в путь, чтобы завоевать Вселенную или сокрушить врагов?

Научный подход к оценке поведения человека обладает огромным преимуществом – он позволяет выявлять глубокие тайны человеческого существования, которые иначе остались бы незаметными, хотя и находятся у всех на виду. Если начать глубоко и системно мыслить о древности, повсеместности и мощи нашей страсти к опьянению, привычное представление о ней как о своего рода эволюционной случайности станет сложно принимать всерьез. Цена опьянения огромна, и, казалось бы, генетическая эволюция должна была бы действовать таким образом, чтобы как можно быстрее удалять случайно возникшую тягу к алкоголю из нашей системы мотивации. Если так вышло, что этанол взламывает наши неврологические замки на пути к удовольствию, эволюция должна была бы «вызвать слесаря», чтобы решить эту проблему. Если бы наша тяга к выпивке была «эволюционным похмельем», эволюции следовало бы давным-давно прибегнуть к аспирину. Она этого не сделала, и объяснение причин этого представляет не только научный интерес. Не понимая эволюционной динамики потребления психоактивных веществ, невозможно ясно или эффективно рассматривать вопрос о том, какую роль они могут или должны играть в нашей сегодняшней жизни.

Об истории алкоголя и других одурманивающих веществ написано множество развлекательных книг, однако среди них пока нет ни одной, которая давала бы исчерпывающий и убедительный ответ на фундаментальный вопрос: почему мы в принципе хотим напиваться?[9] Сама популярность спиртного, его неизменное присутствие и значимость на всем протяжении человеческой истории заслуживают объяснения. На последующих страницах я постараюсь его дать. Через плотную завесу городских легенд и исторических преданий, которыми обросло наше понимание алкогольного опьянения, я доберусь до данных археологии, истории, когнитивной нейробиологии, психофармакологии, социальной психологии, прозы, поэзии и генетики, чтобы выстроить неопровержимое, научно обоснованное объяснение нашего желания напиться. Моя главная мысль такова: алкогольное или наркотическое опьянение, любое другое измененное состояние сознания должны были на протяжении эволюции помогать людям выживать и процветать, а культурам – сохраняться и распространяться. Представление об опьянении как об ошибке не может быть верным. Мы напиваемся по очень веским с точки зрения эволюции причинам[10]. Из этого следует, что бóльшая часть того, что мы считали знаниями об опьянении, ошибочна, непоследовательна, неполна или грешит всеми этими недостатками одновременно.

Давайте начнем с моего первого аргумента. Эволюция не тупа и действует намного быстрее, чем кажется большинству из нас. Скотоводы генетически приспособлены к употреблению молока во взрослой жизни, тибетцы – к жизни на больших высотах. Живущие на лодках народы Юго-Восточной Азии за несколько поколений адаптировались к нырянию и задержке дыхания[11]. Если бы алкоголь или наркотики лишь взламывали центры удовольствия в мозге или способствовали приспособлению много тысячелетий назад, но сейчас превратились всего лишь в пороки, эволюция очень быстро выяснила бы это и решительно положила бы конец бессмыслице. Дело в том, что, в отличие от порнографии или фастфуда, алкоголь и другие психотропные вещества чрезвычайно дорого обходятся нам как в физиологическом, так и в социальном отношении. Наши гены несут минимальные издержки, когда позволяют нам потратить немного времени на мастурбацию или набрать пару килограммов, поедая пирожные. Риск спьяну въехать на автомобиле в столб, скончаться от разрушения печени, лишиться средств к существованию или семьи из-за алкоголизма намного серьезнее, и эти опасности непосредственно угрожают благополучию наших генов. Целая культура также может себе позволить предаваться безобидным грехам, особенно таким, которые делают людей более смирными и покорными. Маркс никогда не называл порнографию опиумом для народа – хотя и мог бы, имей он возможность хотя бы раз заглянуть в интернет. *Реальный* опиум, однако, грозит культурам ужасными разрушениями, как и любой другой химический дурман.

Факт остается фактом: наша страсть к алкогольным и наркотическим веществам, возникшая якобы случайно, не была искоренена генетической или культурной эволюцией, даже

при наличии просто идеальных «решений» этой проблемы, как я продемонстрирую далее. Этот факт означает, что случайностью дело не исчерпывается. Издержки потакания этому греху должны компенсироваться конкретными, очевидными выгодами. В этой книге утверждается, что тяга к опьяняющим веществам – далеко не ошибка эволюции и что опьянение решает ряд специфических для человека проблем: стимулирует творческие способности, снимает стресс, формирует доверие и чудесным образом побуждает приматов с узким племенным мышлением кооперироваться с чужаками. Желание напиться, а также личные и социальные блага, которые обеспечивает опьянение, сыграли принципиальную роль в возникновении первых крупных обществ. Без опьянения у нас не было бы цивилизации.

Отсюда следует второй аргумент. То, что выпивка способствует социальным связям, не тянет на откровение вселенской значимости. Однако без понимания специфических проблем совместной деятельности, с которыми люди сталкиваются в условиях цивилизации, невозможно объяснить, почему на протяжении всей истории во всем мире алкоголь и подобные ему вещества являются практически универсальным решением. Почему мы объединяемся за распитием токсичного, разрушающего наши органы и отупляющего ум химического вещества, а не за партией в нарды? Не ответив на *этот* вопрос, мы не сможем рационально взвесить аргументы за и против идеи заменить посиделки в пабе после работы прохождением квестов или вылазками на лазерный пейнтбол. Многие из нас специально выпивают один или два стакана вина, чтобы расслабиться после трудного рабочего дня. Нельзя ли заменить вино вечерней поездкой на велосипеде? Или пятнадцатиминутной медитацией? Ни на один из этих вопросов невозможно ответить, не понимая опьянения с точки зрения биохимии, генетики и нейробиологии.

Древняя мудрость гласит, что поэтическое вдохновение обретается на дне бутылки. Почему это должна быть бутылка спиртного, а не чашка чая? Какое действие оказывает на нас употребление алкоголя, как он может способствовать креативности и какая доза обеспечивает наибольший эффект? (Подсказка: креативность достигается задолго до того, как вы увидите дно бутылки.) Насколько хорош алкоголь в качестве музы по сравнению с псилоцибином или самой обычной прогулкой в парке? Употребление опьяняющих веществ порождает бесчисленные загадки, требующие объяснения, и на данный момент исчерпывающего объяснения не существует. Одни люди могут пить (и пьют) спиртное как воду, других развозит и тошнит после нескольких глотков некрепкого пива. Большинство успешно встраивает спиртное в свою жизнь, но у некоторых развивается опасная зависимость и нетрудоспособность. Какие гены отвечают за эти реакции и как объясняется их распределение в мире? Если учесть все обстоятельства, то выглядят разумными те культурные нормы, которые запрещают потребление одурманивающих веществ. Почему же подобные нормы вводятся не повсеместно, а на практике их и вовсе, как правило, обходят? Какое значение это имеет для современности, в частности, в таких вопросах, как роль алкоголя в профессиональной жизни и возраст, с которого разрешено потреблять спиртное? Обычно мы замалчиваем подобные вопросы, поскольку абсолютно незнакомы с необходимыми научными результатами, а это должно вызывать обеспокоенность. В своих суждениях мы опираемся в лучшем случае на разрозненные факты или обрывки научных знаний, без учета более общей эволюционной точки зрения.

Я рассматриваю и другие способы одурманивания, но сосредоточиваюсь главным образом на алкоголе, чему есть веские причины. Алкоголь – некоронованный король среди одурманивающих средств. Его можно встретить практически всюду, где есть люди. Если поручить разработчикам создать вещество, которое бы максимально повышало творческие способности как отдельного человека, так и группы людей, то они придумают что-то очень похожее на алкоголь. Это простое химическое соединение. Его легко получить практически из любого углевода. Его удобно употреблять. Оно хорошо хранится. Его можно точно дозировать. Оно оказывает сложное, но предсказуемое и умеренное влияние на мышление. Оно быстро выво-

дится из организма. Его употребление легко поддается влиянию социальных норм. Его можно включить в «систему доставки». Оно прекрасно сочетается с едой. Возможно, сома или экстаз, вызванный танцевальным угаром, и имеют свои преимущества и функции, но они не отвечают всем вышеперечисленным требованиям, а кроме того, обладают еще и значительно более серьезными побочными эффектами. Трудно добиться подписания договора, закинувшись грибами, а если протанцевать всю ночь без пищи и сна, то будет очень трудно явиться утром на работу. Значительно легче выдержать похмелье после пары коктейлей. Поэтому, оказавшись в условиях новой для себя культуры, алкоголь обычно вытесняет другие психотропные вещества, постепенно превращаясь в «самый популярный наркотик в мире» [12].

Опасность химического отравления очевидна. Алкоголь разрушил много жизней и продолжает губить людей и общества во всем мире. Мало того, что наша культура в целом осуждает удовольствие ради удовольствия, – утверждая, что от алкоголя может быть польза, вы рискуете навлечь на себя гнев людей, которые с полным на то основанием боятся огромных издержек от употребления спиртных напитков. Однако если понять эволюционные причины нашего желания напиться, то можно будет с опорой на факты обсуждать вопросы, в отношении которых мы до сих пор в своем невежестве с точки зрения науки и антропологии действовали вслепую.

Наш анализ не только станет источником ясных и практических рекомендаций для повседневной жизни, но и поднимет более сложные или неоднозначные стратегические вопросы, в частности: имеются ли какие-то плюсы в употреблении алкоголя на рабочем месте или в университете. В эпоху, когда мы все больше обеспокоены тем, что способствуем неподобающему поведению, велик соблазн ответить: никаких, но это не единственно возможный вариант. Нам также следует переосмыслить историческую пользу опьянения как для индивида, так и для группы в свете беспрецедентных угроз со стороны психотропных веществ в современном мире. Относительно недавние явления – распространение технологии дистилляции и социальная разобщенность – полностью изменили ситуацию, нарушив баланс спиртных напитков на тончайшей грани между порядком и хаосом и породив невиданные прежде угрозы, которые мы не вполне осознаем.

Для того чтобы психотропные вещества могли просуществовать так долго и остаться настолько важными в социальной жизни человека, их преимущества должны были на протяжении истории человечества перевешивать самые очевидные отрицательные последствия их употребления. Мы можем должным образом осмыслить выводы из этого анализа выгод и издержек для современного мира, невероятно сложного и меняющегося с беспрецедентной скоростью, только если максимально широко подойдем к вопросу в историческом, психологическом и эволюционном отношении. Совершенно очевидно, что пирожные вредны, а от мастурбации вы не ослепнете, хотя общественной пользы от нее мало.

Вопрос о необходимости алкоголя менее однозначен. Объяснение стремления человека одурманить себя само по себе, по выражению французского кулинара начала XIX в. Брийя-Саварена, «заслуживает внимания философского ума». Ответ на вопрос о том, почему мы напиваемся, решением каких проблем или задач является спиртное, представляет, однако, далеко не только философский или научный интерес. Понимание функциональной стороны нашей тяги к опьянению поможет нам лучше понять истинную роль алкоголя и других психоактивных веществ в нашей сегодняшней жизни. С учетом потенциальных издержек ошибки ставки слишком высоки, чтобы можно было и дальше блуждать вслепую, ориентируясь лишь на народную мудрость, слабо понимаемые меры социальной политики или пуританское предубеждение. История способна рассказать нам, *когда* и *чем* мы опьянялись, но лишь соединив историю с наукой, мы наконец начнем постигать не только то, *почему* мы вообще стремимся напиваться, но и какую пользу можем в действительности получить, время от времени прибегая к спиртному.

Глава 1
Почему мы напиваемся?

Людям нравится выпивать. Антрополог Майкл Дитлер замечает: «Алкоголь – абсолютный лидер среди психоактивных веществ в мире, его потребляют повсеместно и в огромном количестве. На сегодняшний день число его активных потребителей во всех странах оценивается более чем в 2,4 млрд человек (это около трети населения Земли)»[13]. Такое положение дел не ново: люди напиваются уже очень давно[14]. Сцены возлияний и празднеств преобладают в древней археологической летописи точно так же, как и в соцсетях XXI столетия. Например, на каменном рельефе, который находится в юго-западной Франции и которому 20 000 лет, женщина, вероятно богиня плодородия, подносит ко рту рог. Можно было бы подумать, что она использует рог как музыкальный инструмент – дует в него, чтобы заставить звучать, если бы не одна деталь: рог обращен ко рту широким концом. Она что-то *пьет*, и трудно себе представить, что это простая вода[15].

Древнейшее непосредственное свидетельство целенаправленного производства спиртных напитков, относящееся примерно к 7000 г. до н. э., было обнаружено в долине реки Хуанхэ в Китае. Глиняные черепки, найденные при раскопках деревни периода раннего неолита, имели химические следы присутствия подобия вина – вероятно, не слишком вкусного по современным стандартам, – изготовленного из дикого винограда и других плодов, риса и меда[16]. На территории современной Грузии имеются свидетельства одомашнивания винограда в период около 7000–6000 гг. до н. э. Судя по фрагментам керамики из того же региона с изображениями человеческих фигур, радостно вскидывающих руки над головой, виноград разводился ради изготовления напитков, а не употребления в пищу[17]. Химические признаки наличия виноградного вина, запечатанного сосновой смолой (этот способ до сих пор применяется в Греции и других странах виноделия[3]), были обнаружены на керамике с территории современного Ирана, датируемой периодом от 5500 до 5000 г. до н. э. К 4000 г. до н. э. изготовление вина стало одним из важнейших коллективных производств. Огромная пещерная стоянка в Армении, очевидно, служила древней крупной винокурней, где имелись давильни для винограда, бродильные чаны, кувшины для хранения вина и сосуды для питья[18].

Люди эпохи неолита проявляли изобретательность и в отношении сырья для своей выпивки. На Оркнейских островах, на севере Британии, археологи обнаружили громадные керамические сосуды периода неолита. Оказалось, в них когда-то находилось спиртное, изготовленное из овса и ячменя с добавлением различных вкусовых добавок и слабых галлюциногенов[19]. Неукротимое желание человечества производить алкоголь впечатляет как в смысле изобретательности, так и древности. Жители Тасмании выбирали дерево из числа гладкокорых, вырезали в стволе дыру у его основания и ждали, когда скопившийся сок сбродит в спиртной напиток. Люди племени коори, жившие испокон веков на территории нынешнего штата Виктория (юго-восток Австралии), сбраживали смесь цветов, меда и древесной смолы, получая крепкое спиртное[20].

---

[3] Необходимость запечатывать сосуды смолой, предохраняя содержимое от контакта с воздухом, осталась в далеком прошлом, но вкус «смоляного» вина – рицины – так полюбился, что сейчас смола специально добавляется на стадии брожения, по завершении которого удаляется. – *Прим. пер.*

Рис. 1.1. «Венера с рогом из Ласселя» (Музей Аквитании; *VCG Wilson / Corbis via Getty Images*)

Хотя алкоголь всегда был предпочитаемым наркотиком в большинстве мировых культур, существование древнего галлюциногенного пива свидетельствует, что люди, как правило, были крайне неразборчивы в вопросе о том, чем отравляться, дополняя спиртное другими одурманивающими веществами или находя ему замену там, где его не было[21]. Галлюциногены, обычно получаемые из лиан, грибов или кактусов, – фавориты, иногда приобретавшие особый статус, ставящий их выше алкоголя. Ведические племена Древней Индии, например, знали алкоголь, но относились к нему с некоторым подозрением, считая опьянение, которое он дает, сомнительным в нравственном отношении. Первое место в культуре и религии занимала мада – особое психологическое состояние, вызываемое галлюциногеном сомой. Слово «мада» имеет тот же корень, что и английское madness – «безумие», но в санскрите означает скорее духовный подъем или блаженство, желанное состояние религиозного экстаза.

В пещерах на северо-востоке Мексики были найдены кругляши пейота и содержащие мескалин бобы. Метод радиоуглеродного анализа позволил установить дату их происхождения – приблизительно 3700 г. до н. э.[22] Колоссальные каменные рельефы с изображениями псилоцибиновых грибов, включающими человеческие лица или животных, а также керамика с нарисованными животными, участвующими в шаманских обрядах, например ягуарами, увенчанными мескалиновыми кактусами, имеют древние датировки, вплоть до 3000 г. до н. э. Из этого следует, что галлюциногены издавна играли важную роль в религиозных ритуалах по всей Центральной и Южной Америке[23]. В Новом Свете встречается более ста разновидностей галлюциногенов, и все они тысячелетиями активно использовались людьми. Пожалуй, самый удивительный галлюциноген – кожные выделения некоторых ядовитых жаб, обитающих в Центральной Америке. Чтобы его употребить, нужно высушить шкуру и выкурить или добавить в жидкую смесь[24]. Если же вы сильно спешите, можно просто прижать жабу к земле и лизнуть ее.

В Тихоокеанском регионе культуры, никогда не использовавшие алкоголь, – вероятно, потому что он давал бы негативные эффекты в сочетании с токсинами, поступающими в организм при употреблении в пищу здешних морепродуктов, – в конце концов сделали своим излюбленным психотропным веществом каву[25]. Кава изготавливается из корня широко одомашненного растения, возможно первого, которое люди научились разводить на островах Вануату. Это растение так давно выращивается человеком, что утратило способность воспроизводиться самостоятельно[26]. Кава оказывает как наркотическое, так и гипнотическое действие и является мощным миорелаксантом. По традиции каву жуют и сплевывают в миску, которую передают по кругу согласно строгому ритуалу. Она вызывает чувство довольства и способствует общительности, создавая более расслабленное и мягкое состояние опьянения, чем алкоголь.

Если уж мы заговорили об ощущении расслабленности, нельзя обойти молчанием каннабис, аборигенное растение Центральной Азии. Оказывается, люди в Евразии курят траву и отключаются уже на протяжении самое меньшее 8000 лет, а каннабис стал массово продаваться и использоваться в качестве ритуального и рекреационного наркотика к 2000 г. до н. э.[27] Чтобы понять, как давно мы полюбили траву, достаточно взглянуть на одно из погребений в Центральной Евразии, датируемых I тыс. до н. э.: именно там было обнаружено мужское тело, обернутое в пелену из дюжины стеблей каннабиса[28]. В V в. до н. э. греческий историк Геродот писал, что наводящие ужас воины-скифы – конные кочевники из Центральной Азии, – чтобы расслабиться, возводят навесы на деревянной раме, устанавливают посередине огромную бронзовую жаровню, швыряют на нее щедрую пригоршню каннабиса и доходят до сильного наркотического опьянения. Существование этой практики подтверждено недавней археологической находкой, и считается, что центральноазиатская традиция забивать косяки насчитывает пять или шесть тысячелетий[29]. Чувак[4] гордился бы ими.

За пределами Евразии люди, не имевшие марихуаны, обходились другими курительными и жевательными веществами. На протяжении тысячелетий аборигены Австралии изготавливали смесь наркотиков, стимуляторов и древесной золы под названием *питури* и употребляли ее как жевательный табак, держа кусок за щекой. Действующими ингредиентами питури являются различные виды местного табака и здешний наркотический кустарник (его также часто называют питури). Важно, что в Северной Америке, одном из немногих мест на планете, где аборигенное население не производило и не употребляло алкоголь, существовала очень развитая система выращивания табака и региональной торговли табаком: археологи находят курительные трубки, изготовленные в период от 3000 до 1000 г. до н. э.[30] Хотя мы считаем табак психотропным веществом, его сорта, выращиваемые коренными американцами, оказывают намного более мощное и одурманивающее действие, чем все, что вы можете сегодня купить в табачной лавке по соседству. Смешанный с галлюциногенными ингредиентами, как это обычно делалось, этот табак хорошо ударяет в голову[31]. Опиум – еще один наркотик, которым человечество пользуется с тех пор, когда наши далекие предки впервые узнали, что он способен сотворить с их мозгами. Судя по останкам, обнаруженным в Британии и Европе, люди потребляли опийный мак уже 30 000 лет назад[32], и, как свидетельствуют археологические находки, почитание богинь опийного мака в Средиземноморье зародилось не позднее II тыс. до н. э.[33]

Итак, люди во всем мире одурманивают себя – напиваются, накуриваются или ловят психоделический кайф – с незапамятных времен. Немало книг развлекательного характера посвящено пристрастию нашего биологического вида к психотропным веществам, а также самым разнообразным способам добиваться измененного состояния сознания[34]. Гуру альтернатив-

[4] Главный герой фильма братьев Коэн «Большой Лебовски», взгляды и жизненные принципы которого стали основой вероучения интернет-религии дудеизма, или «Церкви чувака последних дней». – *Прим. пер.*

ной медицины Эндрю Вайл отмечает: «Повсеместность употребления снадобий настолько поразительна, что это не может не отражать базового человеческого стремления»[35]. В обзоре впечатляющего многообразия одурманивающих средств, используемых во всем мире, археолог Эндрю Шерратт также утверждает, что «целенаправленный поиск психоактивного опыта, вероятно, является по меньшей мере столь же древним, что и анатомически (и поведенчески) современные люди, – одним из отличительных признаков *Homo sapiens sapiens*»[36].

Однако в этих исторических и антропологических исследованиях нашего пристрастия к выпивке обычно остается неизученной самая главная загадка: *почему* люди хотят напиваться[37]. Казалось бы, с практической точки зрения напиться или накуриться – ужасная глупость. На индивида алкоголь действует как нейротоксин, ослабляющий мыслительную и двигательную функцию и разрушающий организм. На уровне общества связь между опьянением и общественным беспорядком не является открытием современных футбольных болельщиков-хулиганов или студентов. Дикая, опасная вследствие своего хаоса вакханалия – это понятие происходит от имени древнегреческого божества, именуемого также Дионисом или Вакхом, – характерная особенность жизни в Древней Греции. Судя по описаниям и изображениям алкогольных ритуалов и возлияний на территориях от Древнего Египта до Китая, беспорядки, драки, плохое самочувствие, неуместная потеря сознания, обильная рвота и беззаконный секс уже давно являются типичными последствиями употребления алкоголя.

Различные галлюциногены, используемые людьми по всему миру, еще более опасны и разрушительны. Они не только полностью отрывают вас от реальности, но и вследствие своего химического состава легко могут вас убить. Плоды маленького кустарника, растущего в пустыне Сонора, *Sophora secundiflora*, настолько токсичны, что достаточно одного боба, чтобы почти мгновенно убить ребенка. Казалось бы, люди должны были очень быстро научиться обходить его стороной. Но нет. Дело в том, что так называемые бобы мескаля также могут дать вам сильнейший кайф. Хотя эти бобы не имеют никакой пищевой ценности, следы их присутствия прослеживаются в археологических остатках, датируемых несколькими тысячелетиями до нашей эры. Совершенно очевидно, что жившие в пустыне племена использовали их ради психотропных свойств. Половина боба – обычная доза для взрослого, но употребить ее нужно правильно, или вам не поздоровится. Если съесть больше, это вызовет «тошноту, рвоту, головную боль, потение, слюноотделение, понос, судороги и паралич мышц дыхательной системы; смерть наступает вследствие асфиксии»[38]. Без сомнения, произошло немало несчастных случаев, прежде чем люди выяснили эти детали.

Но зачем так рисковать? Почему люди просто не говорят «нет» всему этому – пугающе опасным галлюциногенным бобам, одурманивающим наркотикам или вызывающему дезориентацию токсичному алкоголю? С учетом издержек и потенциального вреда психотропных веществ мы довольствуемся поразительно слабыми объяснениями – слушаем все эти бабушкины сказки о том, что спиртное будто бы помогает пищеварению, разгоняет кровь. Сторонник запрета алкоголя в начале XIX столетия с полным на то основанием высмеивал совершенно ничем не подкрепляемые умопостроения, к которым прибегают люди в оправдание тому, что прикладываются к бутылке:

> Крепкое спиртное в том или ином виде – это средство от всех болезней, исцеление от всех скорбей. Оно призвано украсить свадебное торжество, побороть подавленность людей на похоронах. Оно должно оживить дружеский сход и осветить трудовые будни. Успех *заслуживает* возлияния, а разочарование *требует* его. Занятые пьют оттого, что заняты, праздные – оттого, что им больше нечем заняться. Сельский труженик должен пить, поскольку труд его тяжел; ремесленник – по той причине, что его работа

> малоподвижна и скучна. Когда жарко, человек пьет, чтобы охладиться, когда холодно – чтобы согреться[39].

Мы способны на большее, чем подобные рассуждения. Давайте прежде всего рассмотрим общепринятые научные объяснения тяги человека к выпивке. На первый взгляд они кажутся более убедительными, чем оправдания, высмеиваемые сторонниками сухого закона, но в конечном счете оказываются столь же неудовлетворительными.

Мозговой захват: Плодовые мушки, помешанные на сексе

Люди обожают оргазм. С научной точки зрения это неудивительно. Оргазм доставляет нам удовольствие, поскольку с его помощью эволюция сообщает нам: «Отличная работа! Продолжай в том же духе». Эволюция одобряет занятие сексом, потому что в условиях, в которых мы развивались, оргазм служит признаком нашего движения к главной цели – передаче своих генов следующему поколению.

Это, безусловно, не идеальная система. С самого начала ее обманывают самые разные виды живых существ, от мастурбирующих нечеловекообразных обезьян до собак, делающих садку на наши ноги. Хуже всех, однако, ведут себя люди. Так, *Homo sapiens* изготавливает порнографию примерно столько же времени, сколько вообще что-либо изготавливает. Создается впечатление, что любая новая технология – резьба по камню, живопись, литография, кинематограф, интернет – сначала используется главным образом для порнографии. Полные сладострастия фигуры, обнаруживаемые на раскопках доисторических поселений, подобные приведенному выше изображению Венеры, ученые обычно считают образами богинь плодородия или богини-матери. Может, они и правы. С тем же основанием их можно отнести к древним предшественницам фотомоделей журнала *Playboy*, служившим тому же предназначению для своих создателей. Как бы то ни было, человек – непревзойденный обманщик эволюции во многих областях, в том числе этой, связанной как с древней эротикой, так и с современными секс-куклами.

Эволюция, впрочем, относится к этому мошенничеству с немалым равнодушием. Она не стремится к лучшему, довольствуясь просто хорошим. Пока надежных способов контроля рождаемости не существовало, фундаментальная связь оргазма с хорошо проделанной работой по передаче генов потомству традиционно была достаточно действенной. Однако развитие современных технологий серьезно ее подорвало. Презервативы и противозачаточные таблетки фактически оторвали половой акт от результата, который он был призван обеспечить. Печатные издания, глянцевые журналы, видеокассеты, DVD и наконец интернет снабжают сексуальными изображениями в немыслимом прежде количестве и разнообразии любого человека, находящегося в уединении в собственном доме. Совместными усилиями эти способы обхода нашей системы вознаграждения, возможно, способны отчасти нарушить планы эволюции.

Пожалуй, типичное истолкование нашей страсти к одурманиванию самих себя состоит в том, что она предполагает точно такой же захват стимулов, когда-то являвшихся адаптивными. Теории захвата рассматривают алкоголь и другие психотропные вещества так же, как и порнографию: они активизируют системы вознаграждения в нашем мозге, изначально созданные эволюцией как средство поощрения адаптивного поведения, например секса. В этом не было ничего плохого на протяжении большей части нашей эволюционной истории, когда одурманивающие вещества было трудно раздобыть в сколь-нибудь значимом количестве, а сами они были относительно слабыми. Эволюция могла себе позволить игнорировать тот факт, что приматы и другие млекопитающие временами слегка кайфуют от перебродившего фрукта, найденного где-то под пологом джунглей, точно так же, как закрывала глаза на капельку мастурбации и секса не с целью размножения. Однако она не могла предусмотреть, что один из этих приматов благодаря большому головному мозгу, орудиям и способности накапливать культурные инновации вдруг – с эволюционной точки зрения мгновенно – научится делать пиво, вино, а затем и слишком крепкие напитки из дистиллированного спирта. Теории захвата утверждают, что эти яды сумели проскользнуть через наши эволюционные защитные механизмы, поскольку эволюция не поспевает за скоростью человеческих инноваций.

Типичный представитель этого взгляда – основатель эволюционной медицины Рэндольф Несси. Он пишет следующее:

> Чистые психоактивные препараты и непосредственные способы введения их в организм – эволюционно новые явления нашей среды обитания. Эти вещества патогенны по своей сути, поскольку обходят адаптивные системы обработки информации и действуют напрямую на древние механизмы в головном мозге, управляющие эмоциями и поведением. Препараты, вызывающие положительные эмоции, подают ложный сигнал об эволюционной полезности. Этот сигнал захватывает стимулирующие механизмы «симпатии» и «желания», что может приводить к постоянному приему наркотических средств, уже не приносящему удовольствия… Наркотики, вызывающие привыкание, создают в мозге сигнал, ложно указывающий на громадное преимущество с точки зрения эволюционной годности[40].

Эволюционный психолог Стивен Пинкер также считает современное потребление опьяняющих веществ результатом соединения двух особенностей человеческого ума: любви к химическим вознаграждениям и способности решать проблемы. Вещество, которому удалось, пусть и случайно, вскрыть замок удовольствия у нас в мозге, оказывается объектом нашей целеустремленности и инновационности, даже если поиск этого вещества имеет в чисто адаптивном смысле нейтральные или отрицательные последствия[41]. Как мы отмечали, наше сексуальное влечение – также отличный пример действия подобных механизмов. Эволюция дает нам мощную систему стимулов в виде сексуального удовольствия и оргазма, после чего умывает руки и, удовлетворенная, удаляется в наивном убеждении, будто гарантировала, что отныне мы будем стремиться исключительно к гетеросексуальному вагинальному соитию, передавая таким образом свои гены следующему поколению. Она явно не имеет понятия, на что способны люди. В качестве примера дезадаптации, вызванной захватом систем вознаграждения, Пинкер приводит тот факт, что «люди смотрят порнографию, тогда как могли бы искать сексуального партнера». Разумеется, это лишь одна из нитей в многоцветном гобелене нерепродуктивных сексуальных уловок, к которым мы склонны, подсказывающая, однако, почему эволюции следовало бы со всей серьезностью относиться к отклонениям от ее замыслов.

Это соображение подтверждается исследованием плодовых мушек, подвергнутых сексуальной депривации. Плодовые мушки (*Drosophila*) – крохотные и очевидно совершенно непохожие на нас существа – поразительно удачная замена людей во многих отношениях, в том числе в наблюдениях за тем, как их организм перерабатывает алкоголь[42]. Плодовые мушки любят спиртное, они напиваются, и это стимулирует их системы вознаграждения так же, как это происходит у нас. Они могут стать алкоголиками: мушки начинают предпочитать пищу с большим содержанием алкоголя нормальным продуктам и со временем это желание усиливается. Если лишить их спиртного, а затем вернуть доступ к нему, они уходят в запой[43]. Все это, очевидно, дезадаптивные формы поведения, по крайней мере при уровнях потребления алкоголя в лаборатории, где проспиртованная пища часто доводится до крепости сильно ударяющего в голову австралийского шираза (около 15–16 %). Напившимся шираза плодовым мушкам трудно лететь прямо, а значит, и обнаруживать пищу и партнеров для спаривания. Кроме того, исследование лишенных секса плодовых мушек обнаружило, что, в сущности, оставшись без половой жизни, они обращаются к бутылке[44]. Потребление алкоголя искусственно вызывает тот же сигнал вознаграждения, что и успешное спаривание, из чего следует, что у пьяных плодовых мушек падает стремление к ухаживанию, ведь они получают удовольствие иным путем. Возможно, самих мушек это не беспокоит, но для их генов это плохо[45].

Эволюционные пережитки: Пьяные обезьяны, жидкое кимчи и грязная вода

Теории захвата отчасти пересекаются с теориями пережитков, описанными во введении, и согласно им наше стремление к токсическим веществам считается эволюционной проблемой Нового времени. Однако теории пережитков видят в некоторых особенностях психологии человека не сугубо случайные захваты наших систем вознаграждения, а рассматривают их как изначально полезные с точки зрения адаптации, но со временем теряющие это свойство. Классическим примером является фастфуд. Эволюция запрограммировала нас получать маленькие порции вознаграждения за потребление высокопитательных продуктов, особенно содержащих жир или сахар. Слепая и относительно неповоротливая, она проморгала появление супермаркетов, переполненных дешевыми переработанными продуктами, сладостями, картофельными чипсами и мясными полуфабрикатами.

Что касается объяснения нашей тяги к алкоголю, пожалуй, самой заметной теорией эволюционного пережитка является гипотеза «пьяной обезьяны», выдвинутая биологом Робертом Дадли[46]. В непролазных тропических лесах, где началась эволюция человека, алкоголь вырабатывается в спелых фруктах дрожжевыми клетками в их извечной битве с бактериями, которые хуже переносят алкоголь и конкурируют с дрожжевыми грибами за питательные вещества, содержащиеся в фруктах. Таким образом, алкоголь обязан самим своим появлением безжалостной войне между грибами и бактериями. Дадли утверждает, что случайный признак молекулы, которую мы называем молекулой спирта (если точно, этанола), – причина появления у приматов страсти к алкоголю. Этанол чрезвычайно летуч, это маленькая легкая молекула, способная переноситься на большие расстояния по воздуху. Соответственно, он идеально подходит для того, чтобы служить приглашением к обеду для обонятельных рецепторов великого множества биологических видов. Безусловно, к ним относятся плодовые мушки, тяга которых к спиртному, вероятно, связана с тем, что его запах приводит мушек к фруктам.

Дадли заявляет, что то же самое произошло и с древними людьми, а также с нашими предками и родичами – приматами. Ориентируясь по запаху спирта, они находили и опознавали редкостное угощение, спелый плод, и стали ассоциировать малые дозы алкоголя с высококачественным питанием. Возможно, самые чуткие к вкусу или фармакологическим эффектам алкоголя особи находили его чаще, что обеспечивало им больше калорий, чем получали их сородичи-трезвенники. Это адаптивное преимущество способствовало развитию у нас склонности к алкоголю, а также способности его перерабатывать. Таким образом, Дадли утверждает, что алкоголь дарит нам приятное чувство, поскольку в условиях, где протекала наша эволюция, это давало большой выигрыш в плане калорий и питательных веществ. Современные горожане только вследствие эволюционного пережитка получают удовольствие от спиртного, приносящего нам теперь лишь болезни печени, ожирение и преждевременную смерть. В этой связи Дадли пишет: «То, что когда-то было безопасным и эффективным в джунглях, где фрукты содержали лишь малое количество алкоголя, может быть опасным, когда мы отправляемся за пропитанием в супермаркет, где покупаем пиво, вино и напитки из дистиллированного спирта»[47].

Другие теории эволюционного пережитка утверждают, что ферментация зерна и плодов сыграла полезную роль, поскольку перевела содержащиеся в них калории в лучше хранящуюся и транспортабельную форму и позволила сохранить ресурсы, которые в противном случае были бы утрачены в условиях, когда еще не было холодильников[48]. Согласно этой точке зрения, алкоголь традиционно являлся доставляющей больше веселья версией кимчи или маринадов. Это, безусловно, важное преимущество брожения. Даже сегодня предприниматели из северной Танзании изготавливают методом брожения банановые и ананасовые

вина, чтобы сохранить фрукты, которые иначе сгнили бы вскоре после сбора урожая, а также, конечно, чтобы получить вкусный спиртной напиток[49]. Еще одно преимущество брожения, по крайней мере если речь идет о превращении зерна в пиво, британский нутрициолог Б. С. Платт назвал «биологическим облагораживанием»[50], подметив, что сбраживание кукурузы в пиво почти удваивает содержание в ней основных микроэлементов и витаминов. Эта трансформация питательности, обеспечиваемая воздействием дрожжевых грибков на ферментированное зерно, могла быть особенно важной в досовременных аграрных обществах. Археолог Адельхайд Отто утверждает, что по крайней мере в Месопотамии питательная ценность пива сыграла важнейшую роль в улучшении некогда «угнетающе скверного рациона» людей, который без пива почти полностью состоял из крахмалистых продуктов с дополнениями малого количества ценных свежих овощей, фруктов или мяса[51]. Считается, что еще в Англии довикторианской эпохи пиво обеспечивало существенную часть калорий в типичном рационе[52].

Это указывает на еще одно преимущество алкоголя для людей досовременной эпохи – его высокую и доступную калорийность. Грамм чистого алкоголя содержит семь калорий, для сравнения: в грамме жира девять калорий, а в грамме белка – четыре. Отметим тревожный факт: скромная доза в 200 мл красного вина содержит столько же калорий (около 130), сколько брауни размером 5×5 см или небольшая порция мороженого. По оценкам ученых, в некоторых древних и даже современных культурах на пиво могло (и может) приходиться до трети и даже больше потребляемых калорий[53]. Любому человеку, соблюдающему диету, известен удручающий факт: спиртные напитки настолько калорийны, что в лозунге знаменитого крепкого портера «Гиннесс» «Выпил кружку – считай, поел»[5] есть доля правды. Как и в случае многих других составляющих нашей биологии, то, что является проблемой для современных выпивох, могло приносить огромную пользу нашим вечно голодным, недополучающим питательные вещества предкам.

Другая группа теорий эволюционного пережитка обращает внимание не на летучесть спирта и способность сохранять калории или обогащать рацион витаминами, а на его антимикробные свойства. Как мы отмечали, алкоголь предназначен для уничтожения бактерий – дрожжевые грибки производят его как оружие борьбы с бактериями, чтобы занять главное место в разложении плодов и зерна. Поэтому чистый спирт – превосходное дезинфицирующее средство. Даже в своих менее концентрированных вариантах, которые обычно потребляются людьми, он отчасти сохраняет антимикробные и антипаразитарные свойства. Так что совсем нелишне выпивать, когда ешь суши: запивая сырую рыбу саке, можно надеяться убить вредные микроорганизмы, которые ей сопутствуют.

Даже плодовые мушки пользуются этим преимуществом спиртного. Как было сказано, они могут быть заядлыми выпивохами, а благодаря рациону на основе фруктов очень неплохо переносят алкоголь, как и дрожжевые грибки. Плодовые мушки проворачивают очень умный эволюционный фокус, когда чувствуют присутствие ос-паразитов. Эти осы – ужасные хищники, безо всякой жалости откладывающие яйца внутрь яиц плодовых мушек. В обычных условиях из них выводятся маленькие личинки осы, которые затем поедают личинок плодовой мушки и, полностью сожрав их изнутри, выходят наружу искать новых жертв. Там, где существует эта угроза, самки плодовой мушки ищут фрукт с высоким содержанием спирта, чтобы отложить в него яйца. Спирт не полезен их собственным личинкам, он замедляет их развитие, но маленькие плодовые мушки намного лучше переносят его, чем чувствительные личинки осы, обычно гибнущие от спирта. Потеря одной части потомства из-за спирта – небольшая плата за выживание другой. Таким образом, относительная переносимость алкоголя плодовыми мушками, изначально возникшая из-за того, что основным источником питания для них являются фрукты, превращается в действенное оружие против ненавистного противника[54].

[5] "A meal in every glass" (*англ.*).

Наконец, процесс сбраживания спиртных напитков обеззараживает воду, из которой они изготавливаются. На протяжении большей части человеческой истории, особенно после появления сельского хозяйства и городской скученности населения, источники питьевой воды в поселениях часто были чрезвычайно небезопасными. Возможно, алкогольное брожение играло определенную роль в превращении загрязненной воды в пригодную для потребления жидкость. В некоторых сообществах Южной Америки, живущих в маловодных регионах, *чича*, кукурузное пиво, остается важным источником жидкости[55]. Медицинские свойства также упоминаются в качестве объяснения нашей любви к опьяняющим веществам, изготовленным из растений, многие из которых, помимо того что заставляют нас видеть разноцветные фигуры, богов или говорящих животных, являются довольно сильными антипаразитарными средствами[56].

Сильнее пирожных и порнографии: За рамками теорий пережитка и захвата

В своих попытках серьезно проанализировать причины нашей страсти к опьянению лишь немногие из нас, людей, выходят за рамки мышления, ограниченного «пирожным и порно». В конце концов, эти теории правдоподобны. В частности, теории эволюционного пережитка интуитивно убедительны, поскольку в них явно содержится зерно истины: алкоголь действительно исполняет все эти полезные функции. Его запах *может* сигнализировать о вознаграждении в виде высокопитательного плода. Он имеет пищевую ценность, дезинфицирует и, безусловно, приятен на вкус.

В конечном счете, однако, все они оставляют чувство неудовлетворенности – подобно тому, что мы испытываем после пол-литра тепловатого безалкогольного пива жарким летним вечером. Теории захвата разбиваются, как о прочную кирпичную стену, об очевидную и непомерную цену потребления алкоголя и других опьяняющих веществ. Теории эволюционного пережитка, например теория «пьяной обезьяны», были прохладно встречены приматологами и специалистами по экологии человека, отмечающими, что дикие приматы, похоже, избегают перезрелых фруктов, в которых вырабатывается этанол, а исследования с участием людей свидетельствуют, что мы отдаем выраженное предпочтение просто спелым (не содержащим этанола) фруктам перед перезревшими[57]. (Ко мне это точно относится.) Другие теории захвата страдают от досадного факта: заявляемые функции алкоголя или других наркотиков в среде обитания наших древних предков могли бы с тем же успехом выполняться каким-то другим средством, не парализующим значительную часть нашего головного мозга и не заставляющим мучиться поутру от раскалывающейся головы.

Например, для биологического «облагораживания» зерна, скажем пшеницы, проса или овса, достаточно было бы сбродить его в кашу, что до сих пор является обычной практикой в небольших аграрных хозяйствах по всему миру. Ферментированные каши также решают проблему хранения. Например, в Ирландии традиционно делают из овса кашу, она бродит несколько недель, постепенно превращаясь в похожую на хлеб массу, которую затем можно нарезать ломтями и обжаривать, когда потребуется. Это очень вкусно, особенно в сочетании с беконом. Превращение зерна в кашу – более эффективный с точки зрения питательности способ использования, чем его превращение в пиво. Разумеется, от овсяной каши у вас не зашумит приятно в голове, но при этом возникает вопрос: почему мы вообще подвержены такого рода мозговым захватам? Если бы главной причиной было сохранение пищи, почему эволюция не отобрала особей, обожающих кашу, а не пиво? Они были бы точно здоровее и продуктивнее своих пьющих пиво сородичей, а культура, опирающаяся исключительно на кашу, не знала бы безрассудных поступков, несчастных случаев, нестройного пения и распускания рук. Однако судя по тому, что мы знаем, успокаивающие пищеварение каши на завтрак традиционно служили в Ирландии средством улучшения состояния человека на следующее утро после попойки, а не заменой веществ, вызвавших плохое самочувствие.

Рассмотрим гипотезу грязной воды. Если вам плохо от воды, где кишат бактерии, просто *вскипятите* ее. Разумеется, микробная теория возникновения заболеваний появилась недавно, и до сих пор в мире есть люди, не слышавшие о ней. Однако, как свидетельствуют найденные человеком решения большинства задач адаптации, нам вообще ничего не нужно знать об истинной причине проблемы, чтобы справиться с ней методом проб и ошибок. Некоторые проделывают это постоянно. Общества справляются с этим еще лучше, поскольку могут «запоминать» самые удачные, случайно обретенные решения проблем и передавать их следующим поколениям. Это приносит пользу носителям данной культуры и/или способствует распространению самой этой группы[58].

Рассмотрим следующий сценарий: многочисленные группы конкурируют за ресурсы на территории, богатой реками и озерами, но обремененной большим количеством обитающих в воде патогенов. Нам незачем беспокоиться о группах, не изготавливающих спиртные напитки, поскольку они давно вымерли – что закономерно (для стороннего наблюдателя), это случилось примерно тогда, когда вода стала портиться. Выжившие группы открыли для себя алкоголь и привыкли пить только пиво, эффективно очищающее воду посредством брожения. Однако одна из групп обнаруживает, что если пить воду, в которой варилась рыба к ужину, то наутро чувствуешь себя немного бодрее и меньше маешься от поноса, спазмов в желудке и других симптомов, прекрасно знакомых любому, кто пил воду, которую пить не следовало. Некоторые начинают пить только волшебную «рыбную воду», сторонясь пива и сырой воды. Они становятся активнее, здоровее и успешнее остальных, и постепенно вся группа проникается верой, что только вода, благословленная Рыбным божеством, пригодна для человека, а все остальные напитки – табу. Племя Рыбного бога начинает побеждать своих пьющих пиво соседей. Приверженцы пива также не страдают от болезней, связанных с грязной водой, но из-за похмелья и дурноты после полуночных попоек чуть медленнее выдвигаются с утра к местам рыбной ловли. Люди рыбной воды постепенно начинают истреблять или ассимилировать людей пива, или же поклонники пива соображают, что к чему, и решают присоединиться к культу Рыбного бога и отвергнуть все остальные напитки. За несколько поколений после открытия рыбной воды потребление спиртного полностью прекращается.

Пожалуй, самое убедительное культурно-историческое свидетельство против идеи, что необходимость обеззараживания воды стала причиной изобретения алкоголя, предлагает Китай. Люди в рамках китайской культуры беспрестанно пьют чай (по крайней мере, несколько тысяч лет) и давным-давно выработали мощные традиционные запреты на употребление сырой воды. Конечно, идейно это оформлено совершенно иначе: согласно представлениям китайской медицины, употребление холодной воды повреждает желудочную *ки*, энергию. Если вам нужно выпить воды, это должна быть «открытая вода» (*кайсюи*), вскипяченная и употребляемая теплой или хотя бы комнатной температуры. Эта теория сосредоточивается на температуре и ее влиянии на ки, а не на опасности водных патогенов, но смысл у нее тот же: не пей воду, пока ее не вскипятили и все дурное в ней не погибло. Судя по всему, китайцы и представители культур, находящихся под влиянием Китая, – в совокупности это очень существенная часть людей, когда-либо живших на планете, – нашли очень простое и эффективное решение проблемы патогенов, приучившись пить только чай или кипяченую воду.

Тем не менее они употребляют спиртные напитки – и в огромном количестве. С древней династии Шан (1600–1046 гг. до н. э.) и до наших дней алкоголь занимает в этой стране такое же значимое, если не большее, место в ритуальных и социальных собраниях, как и в других уголках мира. Это не имеет смысла, если бы главной задачей спиртного было уничтожение патогенов в воде или в желудке. Как только китайцы открыли чай и выработали культурный запрет на питье сырой воды, употребление алкоголя должно было сократиться и затем исчезнуть, поскольку его основную функцию теперь выполнял бы намного менее опасный, дорогостоящий и вредный для организма напиток. Увы, сохранение *байцзю* («белого спирта» или «белого дьявола») – убийственно крепкого спирта, полученного из сорго, – напоминает нам, что этого не произошло. Важно также отметить, что гипотеза грязной воды в действительности не согласуется с другими культурными нормами, которые мы видим по всему миру. Группы людей, знакомые с пивом или вином, обычно продолжают пить сырую воду или смешивают ее со своими спиртными напитками[59]. Все это бессмысленно, если главная адаптивная функция алкоголя – уберечь нас от расстройства желудка.

Ввиду очевидных издержек потребления спиртного динамика культурной эволюции заставляет предположить, что должны были быть найдены и применены альтернативные реше-

ния проблем грязной воды, недостатка питательных веществ или сохранения пищи, результатом чего стало бы полное исчезновение алкоголя. Однако, мягко говоря, этого не случилось.

Настоящая загадка эволюции: Враг, лишающий разума

Все современные теории, на чем бы они ни основывались, на мозговом захвате или эволюционном пережитке, сходятся в том, что наша страсть к интоксикации – это ошибка и в современных человеческих обществах опьяняющие вещества не имеют или почти не имеют функционального значения. Вам нужно найти места, где сконцентрированы калории в рамках вашей среды обитания? Идите в супермаркет. Нужно сохранить пищу? Положите ее в холодильник. У вас появились глисты? Большинство докторов пропишет вам антигельминтный препарат, а не пачку сигарет. Грязная вода? Просто вскипятите ее. Однако факт остается фактом: людям по-прежнему нравится выпивать и ловить кайф, вопреки, казалось бы, сильному давлению естественного отбора в противоположном направлении. Культурные группы с тем же упорством цепляются за алкоголь и другие опьяняющие средства.

Эволюционные подходы хороши тем, что они помогают не только объяснить некоторые загадочные особенности человеческого поведения, но для начала вообще осознать существование этих загадок. Взять, к примеру, религию. По образованию я религиовед, и моя наука традиционно считала само собой разумеющимся – базовой, отправной точкой – тот факт, что люди во всем мире и во все времена верили в невидимых сверхъестественных существ, жертвовали им колоссальные богатства и шли на огромные издержки, чтобы им услужить. Если подумать, нельзя не поразиться бесконечно длинному списку болезненных, дорогостоящих или до чрезвычайности неудобных действий, придуманных мировыми религиями для своих адептов. Отсекать крайнюю плоть, отказываться от вкусных и питательных моллюсков и свинины, соблюдать пост, опускаться на колени, причинять себе физические и нравственные страдания, повторять мантры, просиживать многие часы на скучных службах – в неудобном костюме, в свой единственный выходной; протыкать щеки металлическими спицами и крюками, прерывать по пять раз на дню свои дела, чтобы отбить поклон в определенном направлении, – все это с биологической точки зрения бессмысленно. Если взглянуть на эти действия через «дарвиновские очки», их нелепость бросается в глаза.

Группы людей столь же расточительны в почитании святынь, что и индивиды. В Древнем Китае бóльшую долю валового продукта просто закапывали в землю вместе с усопшими. Посетители гробницы первого императора из династии Цинь поражаются детализации каждого терракотового воина, полностью сохранившимся колесницам, ошеломляющему зрелищу самой настоящей армии, выстроенной для защиты покойного императора. Редко возникает, если вообще возникает, вопрос: зачем кому бы то ни было в принципе понадобилось выбрасывать такую прорву ресурсов на подобное начинание? Осознайте, что все это было создано ценой огромных затрат и затем просто *погребено* вместе с пугающим количеством принесенных в жертву людей и коней. И Китай не исключение. Вспомните египетские или ацтекские пирамиды, древнегреческие храмы, христианские соборы. Готов поспорить, что самые большие, дорогостоящие и роскошные сооружения в любой досовременной культуре имеют религиозное назначение.

С точки зрения эволюции это попросту глупо. Если считать, как считаем мы, ученые, что сверхъестественных существ, которым все это предназначено, не существует, то религиозное поведение представляется невероятно расточительным и контрадаптивным. Поскольку никакого сверхъестественного наказания не предвидится, человек, который избегает боли и опасности, связанных с прокалыванием щек металлическими крюками, тратит время на решение прагматических задач, а не на то, чтобы молиться несуществующему божеству, и потребляет белки и калории из любого источника, будет более успешен, здоров и, следовательно, оставит больше потомков, чем набожный. Поскольку несуществующие духи предков не способны наказать живущих, культуры, направляющие труд своих членов на ремонт городских стен, стро-

ительство оросительных каналов или подготовку армий, вместо того чтобы возводить бесполезные монументы или закапывать в землю имитации целой армии, – эти культуры должны побеждать религиозные общества в конкурентной борьбе. Однако в исторической летописи мы видим вовсе не это. Культуры, сумевшие выжить и поглотить другие культуры, в основном тратят ресурсы и жертвуют людьми в нелепых масштабах. Мы, ученые, вынуждены прийти к выводу, что здесь действуют какие-то другие адаптивные силы, скажем потребность в групповой идентичности или социальном единстве[60].

Употребление одурманивающих веществ должно ставить нас в тупик в той же мере, что и существование религии, и оно в той же мере заслуживает адекватного научного изучения. Тем не менее, как и в случае с религиозными верованиями и ритуалами, именно повсеместное опьянение мешает человеку осознать, что само это явление – загадка. Только если взглянуть на употребление одурманивающих веществ через призму эволюционного мышления, становится очевидным поистине странный характер стремления человека пить. В свете социальных издержек, связанных с алкоголем и другими интоксикантами, – а это домашнее насилие, пьяные драки, растраченные впустую ресурсы, похмельные и не способные ни к чему работники или военные – почему производство и потребление спиртного и подобных средств остается в центре общественной жизни человека? Джордж Вашингтон одержал знаменитую победу над существенно превосходящими силами гессенских наемников, поскольку те ни на что не годились после пьяного кутежа. Тем не менее он упорно повторял, что польза употребления крепких спиртных напитков для военных частей общепризнана и бесспорна, и призывал Конгресс организовать государственные винокуренные заводы для бесперебойного снабжения рождающейся армии США ромом[61]. Несмотря на эту необъяснимую приверженность жидкой отраве, и Соединенные Штаты, и их армия вполне себе процветают.

Столь же удивительна и центральная роль, которую играют производство и потребление одурманивающих веществ в культурной жизни человечества с древности и до наших дней. По всему миру везде, где есть люди, наблюдается растрата несуразно огромного количества времени, богатства и усилий с единственной целью – набраться. По оценкам ученых, в Древнем Шумере производство пива, основы всей культовой и повседневной жизни, поглощало почти половину всего урожая зерна[62]. Существенная часть общественного труда в империи инков затрачивалась на производство и распределение чичи – спиртного напитка из кукурузы[63]. Даже мертвых в древних культурах одолевало желание словить кайф. Трудно найти народность, в которой усопших не сопровождали бы в загробный мир огромные количества спиртного, марихуаны или других психотропных веществ. Китайские гробницы эпохи династии Шан были набиты безупречными, всех форм и размеров, сосудами с вином, как керамическими, так и бронзовыми[64]. Это равносильно тому, как если бы мы сегодня погребли бы несколько новехоньких мерседесов-внедорожников, предварительно залив в их баки винтажное бургундское. Элитарии Древнего Египта, первые в мире винные снобы, находили последнее пристанище в гробницах, уставленных сосудами с тщательно записанными сведениями об их содержимом: урожай, качество, имя производителя[65]. Опьяняющие вещества были настолько важны в жизни человека, что экономическая и политическая власть нередко основывалась на способности их изготавливать или поставлять. Монополия инкских императоров на производство чичи и символизировала, и укрепляла их политическое господство. Уже в первые годы существования колониальной Австралии власть неразрывно была связана с контролем производства и распределения рома. Поэтому первым зданием в Новом Южном Уэльсе стало «надежное хранилище для спиртного», защищавшее от посягательств ценную импортируемую жидкость, являвшуюся также основной валютой этой территории[66]

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.
Писатель Майкл Поллан называет эти наркотики «прозрачными», имея в виду, что «их воздействие на сознание является слишком легким, чтобы мешать заниматься повседневными делами и выполнять обязательства»: «Такие наркотики, как кофе, чай и табак в нашей культуре или листья коки и ката в других, не затрагивают пространственно-временные координаты того, кто их употребляет» (Pollan 2018: 142). Стивен Браун также проводит различие между «нормализующими состояние» наркотиками, такими как кофеин и никотин, и «одурманивающими» (Braun 1996: 164).

2.
Хотя они намного шире понимали «измененные состояния», чем я в этой книге (включали в это понятие порнографию, азартные игры и другие формы иммерсивных развлечений, а также такие стимуляторы, как табак и кофеин), авторы книги «Похищая огонь» (Wheal and Kotler 2017) полагают, что во всем мире люди тратят порядка $4 трлн в год (в американских долларах 2016 г.) исключительно на то, чтобы «выйти за пределы своей головы».

3.
McGovern 2009.

4.
Превосходные изложения истории опьянения можно найти в: Curry 2017; Forsyth 2017; Gately 2008; Guerra-Doce 2014; McGovern 2009, 2020; Sherratt 2005; Vallee 1998; Walton 2001.

5.
Классический аргумент «пиво раньше хлеба» изложен в: Braidwood et al. 1953; ср. Katz and Voight 1986 и Dietler 2006. Мы вернемся к этой теории в главе 3.

6.
Переведено с текста: http://www2.latech.edu/~bmagee/103/gilgamesh.htm; см. также: A. George 2003: 12–15.

7.
Теория о том, что сома изготавливалась из Amanita muscaria, галлюциногенного гриба, нашла самого знаменитого и увлеченного сторонника и разработчика в лице любителя, миколога и филолога, Гордона Уоссона (Wasson 1971), сумевшего убедить в своей правоте многих ученых – исследователей древневедической культуры. Венди Донигер (Doniger O'Flaherty 1968) дает исчерпывающий обзор различных теорий о том, что представляла собой сома; см. также рассмотрение вопроса в: Staal 2001.

8.
. Rig Veda 10.119, пер. Венди Донигер в редакции Фрица Штааля (Staal 2001: 751–752).

9.
Самые любопытные и читабельные из вышеперечисленных текстов: Forsyth 2017; Gately 2008; Walton 2001. Gately 2008 – пожалуй, самый исчерпывающий источник по истории употребления алкоголя, очень пригодившийся мне на начальных этапах работы над данным проектом. Хотя Гэйтли вскользь упоминает о некоторых возможных функциях алкоголя на индивидуальном и социальном уровне, в работе не предпринимается попытка дать

убедительное объяснение этому явлению с точки зрения психологии, нейробиологии, генетики или культурной эволюции. Работу Forsyth 2017, с которой я познакомился в начале написания своей книги, можно считать сокращенной и намеренно более юмористической версией всеобъемлющего труда Гэйтли. Форсит начинает свою работу с вопроса о том, почему мы стремимся к опьянению. Однако он быстро и весьма некритично принимает гипотезу «пьяной обезьяны», предложенную Робертом Дадли («Мы, люди, – лучшие в природе искатели спиртного, и гипотеза пьяной обезьяны объясняет причины этого» (2017: 15)), отлично вписывающуюся в историю опьянения, которую он далее излагает, что я продемонстрирую в главе 1.

10.
Как станет ясно в процессе дальнейшего чтения, я придерживаюсь теоретической модели, имеющей различные названия: генокультурная коэволюция (Richerson and Boyd 2005) и теория двойного наследования (Henrich and McElreath 2007), которая считает, что человеческим мышлением и поведением управляют две отдельные схемы передачи наследственной информации – генетическая и культурная. Следовательно, я буду использовать термин «эволюционный» для обозначения и генетической, и культурной эволюции, при необходимости уточняя, какую из них имею в виду. Опасения, высказанные учеными, в частности Майклом Дитлером, по поводу того, чтобы с «излишней легкостью в явном виде прибегать к объяснениям с позиций генетики или эволюции» (2020: 125), когда речь идет об отношении культуры к алкоголю, ошибочно объединяют «эволюционное» с «генетическим». Возможно, другие теоретики употребления алкоголя мыслят в рамках более узкой, и устаревшей, модели – «только гены имеют значение», – но в наше время схема генокультурной коэволюции является, пожалуй, стандартной моделью в эволюционных подходах к изучению поведения человека (см., например, Henrich 2015; Norenzayan et al. 2016; Slingerland and Collard 2012).

11.
См., например, Gerbault et al. 2011.

12.
Griffith Edwards (2000: 56) объясняет эту популярность относительно скромным опьяняющим воздействием и возможностью формировать и регулировать его потребление культурными нормами, в отличие от более мощных одурманивающих наркотиков (56–57). См. также: Sher and Wood 2005 об уникальной предсказуемости воздействия алкоголя и его зависимости от дозировки (в противоположность, например, каннабису; Kuhn and Swartzwelder 1998: 181) и Mäkelä 1983 о легкости его интеграции в другие культурные практики.

13.
Dietler 2020: 115.

14.
Обзор истории употребления алкоголя человечеством см. в: Forsyth 2017; Gately 2008; McGovern 2009.

15.
Vénus à la corne de Laussel from Collection Musée d'Aquitaine, см. рассмотрение в: McGovern 2009: 16–17.

16.
McGovern et al. 2004; McGovern 2020. Имеются также свидетельства пивоварения в Древнем Китае около 5000 лет назад. Едва ли это варево из проса, овса и корнеплодов удостоилось бы премии на современном фестивале пива, но важно, что первые пивовары колдовали над рецептами еще до повсеместного укоренения оседлого земледелия в этом регионе (Wang et al. 2016).

17.
Gately 2008: 3.

18.
Barnard et al. 2011

19.
Dineley 2004.

20.
Kirkby 2006: 212.

21.
Hagen and Tushingham 2019; Sherratt 2005.

22.
Rucker, Iliff, and Nutt 2018.

23.
См. Carod-Artal 2015; Furst 1972 о «грибных камнях»; Sharon 1972: 115–116 о кактусе «Сан-Педро» на керамическом сосуде чавинской культуры (1200–600 гг. до н. э.).

24.
Токсины, известные под общим термином «буфотоксины», выделяют жабы рода Bufo; см. Carod-Artal 2015.

25.
Джозеф Хенрих (в личном разговоре) рассуждал, что, поскольку имеются некоторые свидетельства того, что алкоголь может усугублять эффекты отравления морепродуктами, вызванного сигуатерой (токсичным микроорганизмом, поражающим рифовую рыбу), культуры, для которых сигуатера представляла проблему, могли предпочесть алкоголю каву. Распространение культур, где господствует кава, в Тихоокеанском регионе действительно совпадает с территориями, пораженными сигуатерой.

26.
Lebot, Lindstrom, and Merlin 1992: 13.

27.
Long et al. 2016.

28.
Hagen and Tushingham 2019.

29.
См. Sherratt 2005: 26–27. Каннабис, по всей видимости, употреблялся вместе с опиумом во всем этом регионе.

30.
Carmody et al. 2018.

31.
Сорт табака, выращиваемый большинством аборигенных племен, Nicotiana rustica, намного крепче современного сорта Nicotiana attenuata; к популярным галлюциногенам, которые принято было курить вместе с табаком, относились датура и бругмансия (Fuller 2000: 35; Carod-Artal 2015; Schultes 1972: 46–47).

32.
Dineley 2004.

33.
Guerra-Doce 2014.

34.
Например, Gately 2008; Forsyth 2017.

35.
Weil 1972: 14.

36.
Sherratt 2005: 33. Как отмечает Шерратт, на некоторых территориях земного шара, где зародились земледелие и крупномасштабные цивилизации, алкоголь, изготавливаемый из зерна и фруктов, обычно является господствующим наркотиком. Более северные народы чаще используют такие наркотики, как опиум, каннабис или табак, а южане выработали склонность к стимуляторам: кокаину, кату, кофе или чаю. Кроме того, повсеместно люди также кайфуют от различных галлюциногенов, изготовленных из лиан, кактусов или грибов (Sherratt 2005: 32).

37.
Следует отметить, что антропологи давно пытаются объяснить употребление алкоголя с функциональной точки зрения; большинство этих попыток сосредоточиваются на ослаблении тревоги или стресса. Patrick 1952: 45–47 предлагает удачный обзор классических антропологических теорий с 1920-х по 1940-е гг. Далее мы рассмотрим теорию облегчения стресса, а также более новые попытки антропологов объяснить нашу тягу к алкоголю.

38.
R. Siegel 2005: 54.

39.
От 1814 г., цит. по: Blocker 2006: 228.

40.
Nesse and Berridge 1997: 63–64.

41.
Пинкер отмечает: «Люди смотрят порнографию, если не могут найти партнера, отказываются от пищи, чтобы купить героин, продают свою кровь, чтобы купить билеты в кино (в Индии), откладывают деторождение, чтобы взобраться по корпоративной иерархической лестнице, и преждевременно загоняют себя в могилу. Человеческие пороки доказывают, что биологическая адаптация в буквальном смысле – дело прошлого. Наш ум адаптирован к жизни в маленьких странствующих группах, в которых наши предки провели 99 % своего существования, а не к перевернутым с ног на голову обстоятельствам, которые мы создали со времени сельскохозяйственной и промышленной революций» (Pinker 1997: 207). Другие изложения гипотез захвата см. в: Hyman 2005, Wise 2000.

42.
Heberlein et al. 2004.

43.
Devineni and Heberlein 2009.

44.
Shohat-Ophir et al. 2012.

45.
Говорят, тяга плодовых мушек к алкоголю и их способность его перерабатывать обусловлена, бесспорно, адаптивными силами. Стремление найти этанол влечет их к перезрелым фруктам, следовательно, к их основному источнику пищи, и, как будет сказано далее, иногда они пользуются своей развитой способностью усваивать алкоголь для защиты от хищников, в частности ос-паразитов.

46.
Dudley 2014, 2020.

47.
Он добавляет: «Некоторые люди фактически являются жертвами алкоголя, поскольку он активирует древние нейронные пути, которые когда-то были полезными с точки зрения обеспечения питательными веществами, но теперь посылают ложные сигналы, вознаграждающие за избыточное потребление». Dudley 2014: xii – xiii.

48.
Steinkraus 1994; Battcock and Azam-Ali 1998.

49.
. https://www.economist.com/middle-east-and-africa/2018/02/08/what-is-cheaper-than-beer-and-gives-you-energy

50.
Сбраживание маиса в пиво почти удваивает содержание рибофлавина и никотиновой кислоты и в три или четыре раза увеличивает содержание витамина B; при превращении пшеницы

в пиво образуются необходимые аминокислоты, повышается содержание витамина B и образуются вещества, улучшающие всасывание необходимых микроэлементов. Platt 1955; Steinkraus 1994; Katz and Voight 1986.

51.
Curry 2017.

52.
См. исследования, цитируемые в: Chrzan 2013: 53–55.

53.
См. исследования, цитируемые в: Dietler 2020: 118.

54.
Milan, Kacsoh, and Schlenke 2012.

55.
Rosinger and Bathancourt 2020: 147. См. также Vallee 1998; Arthur 2014.

56.
Например, Sullivan, Hagen, and Hammerstein 2008 утверждают, что растительные нейротоксины могут являться антигельминтными препаратами, что, возможно, стало существенным адаптивным преимуществом для наших предков, которые жили мало и страдали от паразитов, не имея возможностей современной медицины.

57.
См., например, замечание коллеги Дадли по Калифорнийскому университету в Беркли Катарины Милтон (Milton 2004), также отмечающей, что у млекопитающих, которые не употребляют в пищу фрукты, скажем мышей и крыс, также наблюдаются схемы потребления алкоголя, близкие человеческим. Дадли, однако, ссылается в защиту своей идеи (Dudley 2020: 10) на ряд более новых работ (Peris et al. 2017), свидетельствующих, что брожение фруктов может усилить их запах и сделать их более привлекательными для млекопитающих и птиц.

58.
Лучшая ознакомительная работа о возможностях культурной эволюции и зависимости от нее нашего биологического вида: Henrich 2015. См. также рассмотрение вопроса о важности аккумулированной культуры для людей в главе 2.

59.
Dietler 2006 в ответ на работу Joffe 1998 отмечает, что межкультурные исследования свидетельствуют: люди часто пьют и спиртное, и воду или смешивают спиртное с водой. Общеизвестно, что древние греки разбавляли вино водой.

60.
Выдающуюся теорию о том, какие еще адаптивные силы могут в этом участвовать, см. в Norenzayan et al. 2016 и сопровождающих комментариях.

61.

По замечанию Айана Гейтли о начальных этапах исследования мира европейцами: «Вино было существенной частью стоимости снаряжения в экспедицию. Магеллан потратил на херес больше, чем на вооружение; взятый им запас вина для команды стоил в общей сложности почти в два раза больше, чем его флагманский корабль "Сан-Антонио"» (Gately 2008: 95).

62.
См. цитату в Mandelbaum 1965: 284. В первой нью-йоркской колонии губернатор Эдмунд Андрос ввел частичный сухой закон, запретив винокурение, кроме как из поврежденного, не пригодного в пищу зерна, поскольку самогонщики потребляли столько зерна местного урожая, что люди не могли достать хлеба (Gately 2008: 153).

63.
Duke 2010.

64.
Poo 1999: 127.

65.
Guasch-Jané 2008.

66.
Forsyth 2017: 171 (упоминание о надежном складе, построенном для хранения запаса рома для Первого флота) и 173.